

«Время свершений...»

беседа с Юрием Михайловичем Лужковым, известным общественным и политическим деятелем

– Прежде всего, уважаемый Юрий Михайлович, хотелось Вам на память вручить одну фотографию, которую сделал наш фотокорреспондент в памятные дни Рождества Христова 1995 года. Да, именно этот памятный день 7 января 1995 года мне запомнился, потому что мы шли Крестным ходом из Успенского собора Кремля, шли рядом с Патриархом Алексием к месту закладки храма Христа Спасителя. Когда я шел со своей 9-летней дочерью где-то в пятом ряду после Вас с Патриархом, ко мне подошел молодой человек и сказал: «А Вам надо в соседнюю колонну перейти». И я понял, что я тогда, скорее всего, не попаду на освящение. На что я ему решительно отказал. Тогда он говорит: «Ну, ничего, там с Вами разберутся на месте». И я говорю дочке: «Давай читать молитву «Богородице Дево, радуйся»». Мы начали читать эту молитву, и нас вообще никто и нигде не остановил. И мы не заметили, как оказались на помосте за спиной у Вас и Святейшего Патриарха. И это мне помогло увидеть то чудо, которое произошло. Когда вы заложили вместе с Патриархом капсулу, свинцовые тучи внезапно разошлись, и солнышко ударило прямо на крест как знамение Божие. Вот такой был момент.

– Здорово! Я, наверное, в тот момент не заметил этого. У нас цель была – сделать работу. Думаю, что это – доброе

знамение. Было время свершений, время возврата, возврата во многом утерянного. Все-таки больше 70-ти лет безбожия свое дело сделало. И вдруг настало время пробуждения народа, и он потянулся к православию, к Богу. И пошла работа, было очень много работы. Первые средства на строительство храма добывались с трудом, тем более что государственная власть заявила, что ни копейки из государственного бюджета на храм не будет выделяться. У города тоже были сложности с деньгами. Нужно было решать многочисленные вопросы, в т.ч. социальной поддержки населения: детей, пенсионеров, ветеранов. Но и на них финансирования едва хватало. Приходилось обращаться за поддержкой к различным структурам, организациям, людям, которые хотели и могли помочь. И такие, к счастью, нашлись. Был создан Фонд, куда стали поступать именны пожертвования.

И тут власть вдруг потребовала отчислять ей 6% с тех пожертвований, которые были внесены конкретными людьми уже после уплаты ими всех налогов. Это было никак не похоже на поддержку строительства храма. Нам

пришлось после того, как я неудачно попытался отбить эту атаку, дополнительно изыскивать эти 6%, которые были необходимы для строительства храма. Это было сложное дело, но, с другой стороны, очень помогала вера и поддержка людей, что все получится. Невероятный энтузиазм был и у строителей. Никого особо не нужно было подгонять. Все старались. Очень многие

приезжали из других церквей посмотреть на это чудо возрождения: подъем стен, купола храма Христа Спасителя. Это были знаменательные моменты.

Я помню одного иерарха, который приехал посетить строящийся храм. Внутри под куполом был строительный лифт. Какие бывают эти лифты у строителей, наверное, рассказывать особенно не нужно. Эта достаточно шаткая конструкция, которая качалась, громыкала. Тем не менее, он решил подняться под купол храма. Мы встали с ним на эту платформу, и она шумно пошла вверх. Вдруг он смотрит вниз: «Ох, ужас!». Земля быстро уходит из-под ног. Увидев, что надо подниматься еще очень высоко, он говорит: «Остановите. Мне хватит». Я отвечаю: «Вы знаете, когда мы поднимаемся вверх, мы ближе к Богу оказываемся». Он говорит: «Но если мы даже с этой высоты упадем, то мы будем очень долго лететь вниз, поэтому спускайте». Мне пришлось остановить и опустить вниз эту колымагу. Он с облегчением спустился на землю, и желания продолжать эту экскурсию у него не возникло.

По-разному складывались события во время этой грандиозной стройки. Многие моменты памяты до сих пор.

Помню, например, день, когда Мстислав Ростропович решил в один из православных праздников провести концерт духовной музыки в только возведенных стенах храма. Он дирижировал в строительной каске. Собралось огромное количество людей. Это был такой подъем, такая радость, и это все очень

Ю.М. Лужков в Севастополе

хорошо поднимало общее настроение, усиливало стремление как можно лучше и быстрее сделать работу. И вместо 43 лет, в которые строился первый храм, нам за 5 лет удалось воссоздать его. На цокольном этаже была сооружена Преображенская церковь, потому что когда первый раз строили храм, то был снесен расположенный здесь женский монас-

тырь, настоятельница которого прокляла это разоренное место. Этим мы хотели искупить вину тех храмостроителей, разрушивших прежний монастырь. Поэтому я убежден, что этот храм уже не будет разрушен никакими силами. Он будет стоять вечно.

Те события должны быть в памяти и, в первую очередь, это должна быть память о недопустимости разрушения того, что необходимо людям. И когда мы говорим, что нам нужно что-то разрушить для того, чтобы новое построить, это не всегда правильно. Как, наверное, не совсем правильно было убирать этот монастырь, который много веков кормил на этом месте людей, которые в нём нуждались. Проводя аналогии, это можно сравнить с политикой Чубайса и Ельцина, которые «обнулили» всю советскую экономику, не создав адекватной замены, сделав народ нищим. И мы можем сказать, что это святотатство в рамках нашего государственного устройства страны.

– Согласен с Вами. Я сейчас вспоминаю, когда появилась наша газета в 1993 году, я взял у Святейшего Патриарха благословение на её издание. Он сказал, что, может быть, будущие поколения когда-нибудь возродят храм Христа Спасителя. И я потом эти слова опубликовал в спец-

выпуске газеты «Правда»: «Храм Христа Спасителя». Жалею, что сейчас не захватил его с собой. А через 5 лет храм уже стоял. И мы на первой стра-

нице «Руси Державной» изобразили тогда еще не существовавший храм. И когда скульптор Владимир Мокроусов еще при работающем бассейне рядом часовню построил и люди начали молиться Державной Божией Матери, это тоже, вне всякого сомнения, свидетельствует о том, что Матерь Божия вмешалась в этот процесс.

– Конечно. Молитва помогала, вера помогала, я бы сказал, этот дух, который двигал тех, кто хотел эту работу сделать, помогал. Святейший Патриарх самое горячее участие принимал в возрождении храмов. Он очень волновался, потому что в предыдущие годы видел и разрушения, и сложности воссоздания. Когда мы на Красной площади начали

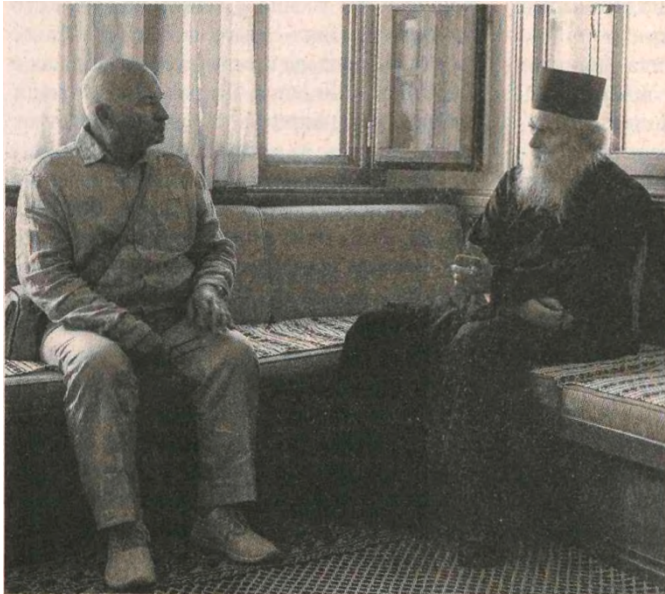
воссоздавать собор Казанской иконы Божией Матери, он увидел, как это все было непросто. Работы над Иверской часовней и многими другими храмами, которые мы начали реконструировать, приводить в порядок, он тоже хорошо видел: как в условиях, когда нет денег, что-то можно делать. И он переживал, что если мы объявим людям о восстановлении храма, а сами не сможем сделать, то тогда психологическое состояние у людей будет еще более тяжелым, чем оно было, пока ничего не начинали.

Все это волновало Святейшего, и все-таки он поверил. Он поверил, что это можно сделать, и благословил нас на следующий этап проработки, отметив, что после детальных расчетов и чертежей надо получить благословление Церкви на саму работу. Это первое благословение мы получили после доклада, который я ему сделал, сказав, что у этого места есть мощный фундамент, который по своим характеристикам вполне может выдерживать не только храм Христа Спасителя, но и дополнительную площадку, поскольку его нужно было поднимать по отношению к фундаменту еще примерно на 10-12 метров – на ту высоту, на которой он всегда раньше стоял.

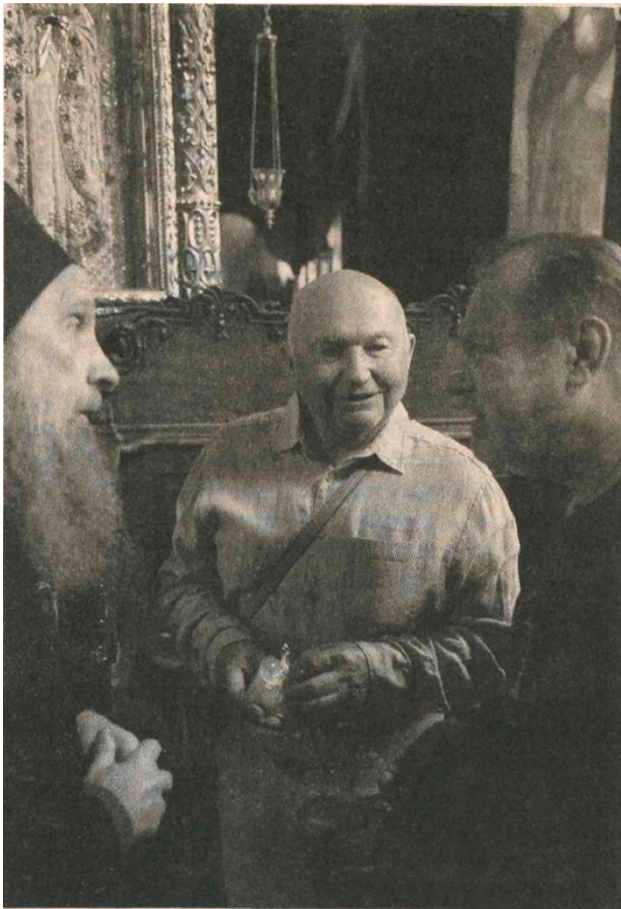
Это обсуждение проходило в загородном, ещё старом здании резиденции Патриарха в Переделкино. Я знаю, что Святейший еще до встречи сам смотрел многие документы, которые были в архивах по храму Христа Спасителя. То есть он не просто ждал от нас информации, он уже был подготовлен к тому, чтобы обсуждать этот вопрос, можно сказать, как специалист. Тем более, ему до этого уже много раз приходилось решать вопросы воссоздания различных храмов и церквей.

Потом была подготовка документации, работа с архитекторами. В архивах нашли очень подробные чертежи. Архитектор Константин Тон происходил из семьи обрусевшего немца. Им дотош-

но все было описано. К счастью, все это сохранилось: и чертежи, и расходы. Нашли даже описи того, сколько нужно платить копеек за подъем кирпичей с одной высоты на другую. И, конечно, сами чертежи были очень детально проработаны, так что нам, в конечном счете, удалось практически абсолютно достоверно воссоздать храм Христа Спасителя. Следующий этап – отбор материалов. Была проделана серьезная работа. Например, мы договорились с Италией расконсервировать каменоломни, в которых раньше добывался камень для строительства первого храма, добыть идентичные материалы. Потом был большой вопрос по иконостасу. Он же там необычный – сделан в виде еще одной церкви. Мы начали искать, где он: или кто украл, или унес, или перекупил те или иные иконы. Искали уцелевшие элементы интерьера. Одна версия гласила, что некоторые из них выкупила жена президента США Элеонора Рузвельт. Но эти поиски не дали особых результатов, что неудивительно. Храм разрушали грубо: плиты дробились как щебенка, использовались в строительстве новых в то время объектов города.

Святейший почти еженедельно приезжал на стройку, разрешал много спорных вопросов по элементам убранства и материалам, по очень сложным моментам принимал на себя всю ответственность. Интересный факт: когда строили еще первый храм Христа Спасителя, тоже были проблемы с деньгами, и «мраморный пояс» храма Христа Спасителя был отделан мрамором не на большой высоте. Все остальное – известняк и штукатурка. Тогда Святейший обратился к нам: «Давайте, если вы сможете, сделаем все в мраморе». Конечно, под-

напряглись, и весь храм Христа Спасителя был внешне сделан в мраморе. Это отступление от изначального проекта обосновано, так как в текущих условиях загрязнения московского воздуха храм уже лет через 5 потерял бы светлый облик. Таких вопросов возникало громадное количество в ходе строительства, и Святейший, несмотря на свою грандиозную занятость, никогда не приостанавливал работы из-за того, что нужно было ждать его решения по тому или иному вопросу. Ни одной задержки из-за этого у нас не было.

Это говорит об уникальной организованности Святейшего, для которого строительство было, я бы сказал, не его прямой профессиональной деятельностью. С пониманием, которое удивляло всех специалистов, он точно находил те или иные решения по строительству, по оформлению храма, по различным спорным вопросам. Работа была трудная, но очень радостная – один из моментов церковного, религиозного, православного людского созидания.

– Я вспоминаю, как мой друг Слава Клыков устанавливал с Вашей же помощью памятник Кириллу и

Мефодию на тогда еще площади Ногина. И Святейший Патриарх Алексей на открытии памятника сказал такие слова: «Во главе всех процессов в России должна стоять духовность». Эти слова я на всю жизнь запомнил.

– Конечно. Если у народа есть Дух, никакой враг ему не страшен. А когда его нет, когда разброд, ожидать результата бессмысленно. Это не материальная составляющая и она, в свою очередь, очень сильно влияет на материальное.

– Еще один эпизод хотел вспомнить. Много лет назад я с Вами встретился во время Вашей поездки в Севастополь, когда Вы вручали морякам ключи от квартир. Я это тоже очень хорошо помню. Потом на крейсере «Москва» был прием. Хотелось бы, чтобы Вы тоже вспомнили эти славные времена. В том, что сейчас Севастополь и Крым вернулись в родную гавань, есть и Ваша заслуга. Я так считаю.

– Действительно, Крым и Черноморский Флот нельзя было потерять. Это очевидно. Меня удивило то, как тогдашняя власть безразлично относилась к Севастополю и к судьбе моряков ЧФ. Наше государство платило Украине по сто миллионов долларов за право иметь флот в Севастополе, хотя по закону Севастополь Украине не передавался. Это была военно-морская база Советского Союза, особая территория, вход, въезд на которую был только по пропуску.

Строительство в Севастополе квартир было необходимостью. Офицеры, ветераны – элита флота – имели семьи, а жить им было негде. Это было важно и потому, что тех офицеров, которые уже завершали свою службу во флоте, приглашала Украина, которая тогда уже была самостоятельным государством.

Но когда я начал строить эти самые жилые дома в Севастополе, так называемые «лужники», вы сами знаете, с какими претензиями на меня обрушилась российская власть: мол, я строю в чужом государстве жилье, которое, в конце концов, пропадет там. Я, конечно, чисто по-русски послал их подальше и продолжал эту работу. И, в конечном счете, Москва оказалась в данном случае более перспективной мыслящей, чем ельцинская власть.

– Мы с вами недавно встретились на Святой Горе Афон. Хотелось бы,

чтобы Вы поделились своими впечатлениями.

– Я второй раз уже на Святой Горе Афон. Это уникальное святое место. Конечно, как человек практического склада ума, приехав первый раз, я сразу обратил внимание на то,

какие проблемы есть у наших священнослужителей, которые несут там свою трудную службу. Одной из острых проблем, требующей срочного решения, было бедственное положение местной типографии. Хранящиеся там уникальные образцы Библии, различных духовных и богослужебных книг, рисунков, фотографий – все было в очень тяжелом состоянии. Эти ценнейшие материалы не были должным образом защищены ни от влияния времени, ни даже от пожара. После этого был приобретен (типографский комплекс, который был передан нашему Пантелеймонову монастырю. Предоставлены пожарная машина, оказана финансовая помощь, чтобы служители смогли и церковную утварь и хозяйственные дела – кухни и мастерские – привести в порядок. Для помощи красивейшему храму на откосе горы, который в тот момент не действовал и был в полном запустении, были приглашены молодые специалисты и студенты для проведения подготовительных работ к следующему этапу восстановительных работ.

Потихоньку им начали заниматься, восстановили. Сейчас, когда я приехал, попросил именно эти объекты мне показать. Я был очень рад, что сегодня, по сравнению с тем, что я видел 12 лет

назад, конечно, радикально все поменялось. Комплекс Пантелеимонова монастыря на Афоне достойно выглядит во всем. А труд монахов, священнослужителей, добровольных помощников делает Афон уникальным, красивейшим и потрясающе хорошо организованным комплексом. Надо сказать монахам, иерархам

Церкви, большое спасибо за то, как они управляют сегодня этим очень сложным хозяйством. Разумно, спокойно, эффективно.

В ходе поездки посетил музей и был

поражен. Думал, что увижу, старинные приспособления для иконописи, типографского дела, предметы рукоделия, увидел же то, о чем и не предполагал. Оказывается, монахи на Афоне строили крупные корабли. Уникальная стариннейшая механика – зубчатое колесо диаметром под два метра, механизмы для

мельниц, использующих водяные колеса. Узнал о сделанных вручную громадных водоемах, по сути, искусственных водохранилищах, позволяющих, когда надо, запускать эти мельницы, а также об аналогичных достижениях монахов в иных сферах: и производство ткани, и выделка кожи. Афон – это не только святое место, это еще и такая демонстрация созидательного настроя монахов и иерархов – того, как можно и нужно развивать вместе с движением времени и иногда даже опережая это время.

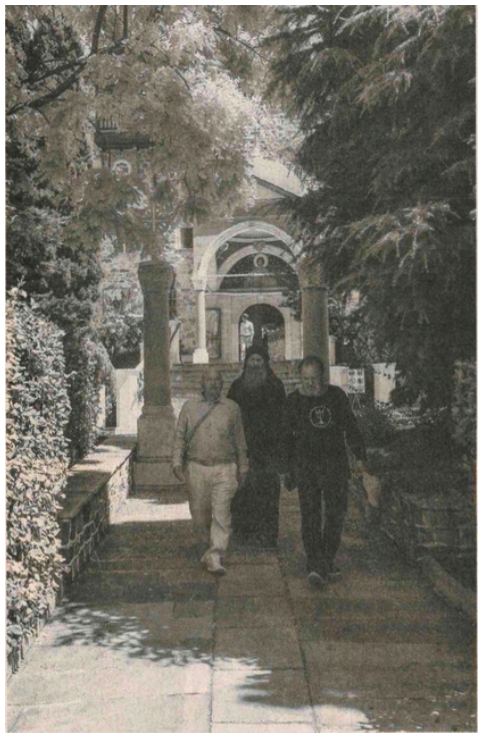
– **Юрий Михайлович, вы знаете, такие, как Вы, люди всегда нужны Отчизне. И дай Бог, чтоб таких людей, как Вы, было побольше.**

– Спасибо. Уверен, что мы еще встретимся и в Москве, и на Афоне. А пока будем продолжать работать.

Беседовал Андрей ПЕЧЕРСКИЙ

Эта встреча запомнится мне надолго

Появилась еще одна возможность побывать в вашей редакции и прикоснуться к тем святыням, перед которыми я

уже молился, когда не так давно привозили чудотворную икону. И вот теперь опять по доброму случаю, доброму знаменательному событию для всех нас я снова здесь, чтобы рассказать о нашей

поездке с Юрием Михайловичем Лужковым на Святую Гору Афон.

По роду своей деятельности и занятости я очень часто сопровождаю всевозможные делегации и отдельных паломников на Святую Гору Афон. И очень болезненно переживаю, когда люди остаются после этого равнодушными. Такой православный туризм: приехали, посмотрели и уехали. И очень душа радуется, и я с таким трепетом отношусь к тем людям, которые очень небезучастны к Афону. Поездка с такими людьми обычно надолго запоминается.

Юрий Михайлович во второй раз на Святой Горе Афон. До этого он приезжал сюда в 2010 году.

Мы провели вместе с Юрием Михайловичем Лужковым всего лишь один день, но как он был наполнен событиями! В этой краткой поездке по Святой Горе его сопровождал эконо́м нашей обители иеродиакон Агафон и я многогрешный.

Они прибыли в Грецию вместе с супругой Еленой Николаевной. Она оставалась на катере, на котором привозили мощи из греческих монастырей. А мы с Юрием Михайловичем посетили наш монастырь и его скиты.

Хочется сказать, что он очень многогранный человек. И мне было очень интересно самому узнать, что он почерпнул в этой поездке. Хочется сказать о нем самые теплые слова. Больше всего удивило то, что он буквально во всем разбирается. И далеко не поверхностно. Он с большой теплотой отнесся ко всему, что увидел. Он может посоветовать собеседнику, может посочувствовать, поучаствовать. И это не напускное.

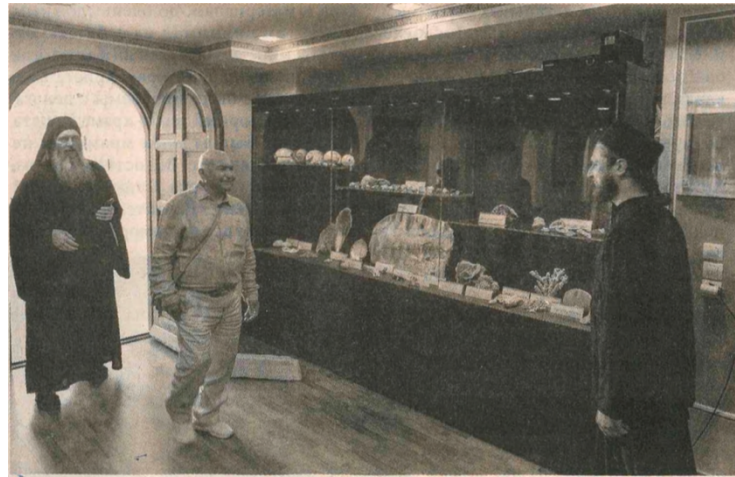
Где бы мы ни были, монахи к нему очень по-доброму отнеслись. В свое время он подарил нам пожарную машину, и она уже дважды спасала монастырь. На Афоне нет монастырей, которые бы не горели по разным причинам. Раньше не было такой техники, которая помогает бороться с пожарами. А в современном мире, наоборот, слишком много техники, когда много выключателей, всевозможной аппаратуры, и где-то что-то замыкает. Мы его сразу повезли и показали место пожарища. Он обошел, посмотрел и

говорит: «Хорошо, что пожарная машина пригодилась. Но надо, чтобы она, всегда находясь на страже, все же

была зачехлена, и вам больше не пригодилась бы».

Конечно, мы прежде всего подошли и приложились к основной святыне нашего монастыря - мощам великомученика Пантелеимона. Встретил нас игумен обители священноархимандрит Евлогий. Мы также прошли к тому месту, где у нас находятся многие другие святыне мощи.

После обстоятельной беседы Юрий Михайлович попросил показать монастырь. Что удивительно, не я ему советовал, куда пойти, а он сам сказал: «Я бы хотел посетить библиотеку». А в свое время, когда библиотека была в большом запустении, именно он после своего

первого визита организовал рабочую группу, которая приехала из России от Правительства Москвы. И по сути дела, все переплетные работы, архивные материалы, – все полностью она начала вести и сопровождает до сегодняшнего дня. Эта группа очень много для нас сделала. Мы ему показали все то, в чем мы преуспели, какие книги удалось спасти. Потом уже сделали все с современным оборудованием. Теперь есть и сушильная, и холодильная, – все как положено, чтобы сохранять книги.

После этого мы с ним поехали по нашим скитам. Со дня его первого визита много времени прошло, и вот его замечательные слова: «Я не просто удивлен, я ошеломлен!». Он стоял, в правой руке кепка, машет ею, рассказывает о том, как все тут было. Все

осталось у него в памяти. Значит, и в первый раз у него не просто был проходной тур, он тоже внимательно все осматривал, поэтому и запомнил, что изменилось с тех пор.

Побывали на нашей келье Благовещения у отца Ильи, нашего пасечника, потому что пчелы – это его

родное, любимое увлечение. Они очень долго беседовали и, я считаю, что наш гость дал очень дельные советы, как и что. И отец Илья убедился, что Юрий Михайлович – профессионал своего дела.

Так же побывали на Дмитриевской келье у отца Зосимы, где Ю.М. Лужков сделал запись в книге почетных посетителей. Это очень теплые воспоминания и пожелания на будущее. Мы посетили самую древнюю нашу келью Ксилургу (Древодел), откуда начиналось славянское возрождение Афона. Здесь он тоже пообщался с монахами, сходили на огород, посмотрели сад.

А вернувшись в монастырь, Юрий Михайлович выразил желание посетить музей монастыря. Это не просто музей, где собраны какие-то подарки, реликвии, старинные рукописи, а музей монашес-

кого рукоделия. И еще одна замечательная фраза, которая мне запомнится на всю жизнь. Экскурсия была довольно продолжительная, и монах Досифей, профессионал своего дела, старался показать, все что можно. И была такая сцена, Юрий Михайлович вдруг останавливается посреди большого зала,

возделывает 1700 гектаров гречихи. Юрий Михайлович до сих пор весь в работе.

И я надеюсь, что эта наша встреча с ним не последняя. Скоро мы должны с ним встретиться, обменяться впечатлениями о поездке и обсудить, наверное, дальнейшие планы.

И еще такой момент: мы приехали в нашу бывшую русскую келью Белозерка. Перед этим сообщил по телефону, что приедет Юрий

Михайлович, но, видимо, не сказал, что Лужков, или игумен не расслышал. Они очень тепло нас встретили, провели, показали, подвели к святыням, потом сели попить чайку, поговорили с настоятелем отцом Арсением и когда уже прощались, они говорят, напомните Ваши имя, фамилию. Он говорит:

– Юрий Михайлович Лужков

– Как Лужков? Это тот самый Лужков?

– Да.

И у них было такое неподдельное удивление, что это тот самый Лужков, который никогда у них не был, но которого они очень хорошо знали по всем его созидательным

делам. Когда шло строительство Храма Христа Спасителя – и на Афоне тоже молились об успехе этого грандиозного проекта.

Наши монахи с очень большой благодарностью восприняли этот визит. И когда мы были в храме и на трапезе, все проявляли к нему самое теплое отношение. К сожалению, он прибыл ненадолго. У него в самом разгаре были полевые работы в его хозяйстве, и поэтому он очень торопился.

Несмотря на краткость визита, это была замечательная, запоминающаяся поездка!

Игорь ФРОЛОВ,
генеральный директор
Православного содружества
Святой Горы Афон «Святогорец»

Фото: монах Викторин